

DOI 10.18522/2415-8852-2020-4-17-34

УДК 82.091

**«ПАМЯТЬ» И «ЗАБВЕНИЕ»
В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ГЕРМАНИИ¹**

Марина Сергеевна Потемина

кандидат филологических наук, доцент Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград, Россия)

e-mail: mpotemina@kantiana.ru

---

¹ Исследование выполнено в БФУ им. И. Канта при поддержке Проекта повышения конкурентоспособности российских университетов среди ведущих мировых научно-образовательных центров «5–100».

Аннотация. В статье рассматриваются концепты «память» и «забвение» как доминанты в переосмыслении и реконструировании прошлого современной немецкой литературой. Опираясь на метод дискурсивного анализа М. Фуко и теорию памяти Я. Ассмана и А. Ассман, автор анализирует основные нарративные стратегии современных немецких писателей. Отмечается роль различных дискурсов (исторических, социокультурных, медийных, психологических) в формировании индивидуальной памяти протагонистов. В контексте опыта «культурной травмы» на материале романов «Прощание с врагами» Райнхарда Йиргля и “Animal Triste” Моника Марон прослеживается траектория перестройки «функциональной памяти» от «сберегающего забвения» к «утрате идентичности». Следствием переживания травматичного опыта становятся расщепление «Я» и интрузия, которая выражается в произвольно возникающих и угнетающих воспоминаниях, не поддающихся нарративному описанию. Важную роль здесь приобретает молчание в его повествовательно-теоретической функции. В современных немецких романах, написанных после 1989 г., можно отметить асимметричный характер взаимодействия культурной и индивидуальной памяти, который проявляется на уровне речевых и коммуникативных расстройств протагонистов, а также нежизнеспособности воспоминаний вне рамок локальных пространств. Автокоммуникация, опосредованная рефлексия, де(ре)конструкция воспоминаний и осознанное забвение становятся основными моделями формирования индивидуальной, социальной и национальной идентичности.

Ключевые слова: коммуникативная память, воспоминание, забвение, Объединение, Моника Марон, Райнхард Йиргель, дискурс, идентичность.

После объединения Германии в немецкой культуре и литературе начался самый настоящий «мемориальный бум» (“memory boom”): категория памяти как объект исследования переосмысливается и реконструируется, а художественные тексты, созданные в этот период, становятся важной частью метадискурса, в котором формируется мультиперспективная панорама современной немецкой истории.

Вместе с завершением немецкого разделения и глобальными изменениями в объединенной стране произошла и перестройка «функциональной памяти»: в контексте опыта «социокультурной травмы» [Потёмкина 2019: 147] производится переоценка прошлого на локальном уровне, а на глобальном уровне, благодаря медиальному инструментарию, в фокус внимания попадают события, которые долгое время находились на периферии общественного сознания.

Все эти тенденции привели к многочисленным дискуссиям о «разнонаправленной памяти» (“multidirectional memory”), а также к появлению нового жанра – “fictions of memory”. По мнению К. Ганзеля, в этот период в текстах о воспоминаниях взаимодействие прошлого, настоящего и будущего приобретает статус «системообразующей доминанты» [Gansel: 16].

Наибольшее распространение в современном литературоведении получили следующие концепции памяти: когнитивно-

психологическая [Markowitsch; Schacter; Polkinghorne], нарратологическая [Erl, Nünning; Maldonado-Alemán, Gansel 2018; Basseler, Birke], культурно-историческая [Halbwachs; Assmann 2018; Baßler], интермедialная [Wodianka].

В контексте нашего исследования наиболее продуктивной представляется концепция коллективной памяти Яна Ассмана и Алейды Ассман. Под коллективной памятью, вслед за социологом М. Хальбваксом, А. Ассман и Я. Ассман понимают обращение к ментальным, материальным и медиальным образам и коллективной символике, позволяющим выработать представление о самом себе. Основными понятиями в рамках коллективной памяти становятся нарратив и идентичность, а также идея социальной обусловленности памяти.

Память невозможна вне референтных рамок, поэтому ее следует рассматривать в парадигме *индивидуальная память – культурная память (коммуникативная память – коллективная память)*. Согласно А. Ассман, индивидуальная память является «динамичным средством проработки индивидуального опыта» [Ассман 2014: 21] и не может существовать изолированно, поскольку обусловлена коммуникацией. Коммуникативная память возникает «в среде пространственной близости, регулярной интерактивности, сходного образа жизни и совместных переживаний» [Там же: 22]. При этом в контексте

социальной (оперативной) памяти большое значение придается смене поколений, каждое из которых часто смещает ранее господствовавшие, в то время как репрезентативные позиции сдвигаются от центра к периферии.

Я. Ассман развивает идею М. Хальбвакса: для культурной памяти важна не фактическая, а воссозданная в воспоминании история, и только она.

«Можно сказать также, что в культурной памяти фактическая история преобразуется в воссозданную воспоминанием, то есть в миф. Миф – это обосновывающая история, историю рассказывают, чтобы объяснить настоящее из его происхождения» [Ассман 2004: 55].

А. Ассман также выделяет три измерения памяти: нейронное, социальное и культурное. Память при этом формируется взаимодействием трех факторов: носителя, среды и опоры [Ассман 2014: 21]. Особенно интересными, с точки зрения междисциплинарного подхода, представляются переходы и границы между различными уровнями.

На социальном уровне, по М. Хальбваксу [Halbwachs], память смешивается с воспоминаниями Других. Тем самым она перерастает собственные границы и включает в себя чужое, делая его своим. Поэтому реконструкция воспоминаний – это всегда своего рода проекция прошлого. Индивидуальная память, с точки зрения Хальбвакса, подвержена

значительному влиянию социальных рамок условий. Сохраняется в памяти только то, что регулярно локализуется той или иной социальной группой. Все, что в настоящем потеряло свою базовую референтность, подвергается забвению.

А. Ассман выделяет в культурной памяти два аспекта: накопительную память и функциональную память общества. Это различие «отражает противоречивую структуру памяти, в которой сочетаются, взаимно проникая друг в друга, воспоминание и забвение. Ведь многое из того, что мы забываем, утрачивается не навсегда, а оказывается лишь временно недоступным» [Ассман 2014: 55]. Продолжая развивать концепцию Э. Юнгера о *сберегающем забвении*, А. Ассман отмечает:

«Зачастую мы называем забвением всего лишь латентную память, к которой мы потеряли пароль; если он случайно находится, то к нам неожиданно возвращается кусочек чувственно ошутимого прошлого» [Там же].

Как видно из краткого обзора выше, коллективное вытеснение, забвение, амнезия (по отношению к травмирующим элементам коллективной памяти) тесно связаны с понятием памяти. На важную роль забвения указывал еще Э. Ренан:

«Забвение, или, лучше сказать, историческое заблуждение, играет важную роль в формирова-

нии нации, поэтому прогресс исторической науки может означать опасность для национальности» [Renan: 45].

Забвение представляет собой целенаправленную стратегию развития культуры. Десятилетием раньше этот же тезис высказал Ф. Ницше: без забвения для Ницше нет ни любви, ни счастья, ни будущего совести.

У Ницше «пластическая сила памяти» [Nietzsche: 214] позволяет проводить четкую границу между воспоминанием и забвением, которая отделяет важное от неважного, необходимое для жизни от ненужного. Переполненное хранилище памяти оборачивается размягчением памяти и, следственно, утратой идентичности. Т. Браун [Browne] также отмечает, что забвение является принципом жизни как для отдельного индивидуума, так и для общества (избавляет от болезненных воспоминаний, помогает преодолевать конфликты, освобождает место для нового). Г. Вайнрих [Weinrich] в своих исследованиях и вовсе рассматривает забвение как ресурс.

В литературной критике чаще всего рассматриваются следующие формы забвения: 1) воспоминания, которые стираются со временем (В. Беньямин); 2) забвение как фон, позволяющий существовать воспоминаниям (забвение = составная часть воспоминания); 3) остатки воспоминаний замещаются новым опытом (информационная интерференция и консолидация); 4) забвение как следствие

отсутствия ссылок на прошлое и ассоциаций, поддерживающих воспоминания (концепция *непроизвольной памяти* М. Пруста); 5) мотивированное забвение (функциональная память: избирательная память или подавление и подсознательное вытеснение травматичных воспоминаний); 6) «предписываемое забвение» в виде забвения как формы наказания (“*damnatio memoriae*”) или акта милосердия (амнезия).

В современной немецкой литературе достаточно часто поднимается проблема когнитивных искажений воспоминаний. Прежде всего этот аспект затрагивается в текстах, в которых описываются травматичные переживания, психические или психологические расстройства, связанные с ними, а также воспоминания о них или их (само) анализ. В этом контексте в художественном мышлении немецкоязычных авторов следует рассмотреть как отражение коллективного опыта, основанного на трагических исторических ситуациях «перелома» (войны, смены политических и идеологических парадигм, глобальных кризисов) XX в., так и разнообразные модификации вызывающих вину событий, с которыми сталкиваются герои (предательство, донос, убийство, изнасилование).

Объединение Германии стало для немецких читателей, писателей и их протагонистов именно таким травматичным событием, запустившим механизм (де)конструкции вос-

поминаний. Саморефлексия и автокоммуникация становятся наиболее репрезентативными формами художественного мышления писателей, прежде всего восточной части Германии после Объединения.

Первым шагом к формированию новой идентичности становится переработка прошлого. Как отмечает в своем исследовании Г. Ондоя [Ondoa: 255], в литературе после 1989 г. наблюдается попытка дать прошлому какое-либо определение, оно становится частью всеобщего процесса коллективного создания новых смыслов (в художественных произведениях авторы имплицитно или эксплицитно отсылают читателя к произведениям друг друга и к настоящему). Несмотря на индивидуальные формы выражения, различные воспоминания представляют собой части общей политики поиска идентичности.

Автор различает при этом два типа воспоминаний. С одной стороны – воспоминания, которые обращаются к политическим, социальным и экономическим недостаткам исчезнувшей ГДР и тем самым узаконивают прощание с ними. В этой форме «ГДР-идентичность» представляется скорее как общий опыт, связанный с трудностями и лишениями, от которых страдали граждане и которые сейчас должны быть преодолены. Метафоры болезни, отклонений и деформаций особенно часто встречаются в этом типе воспоминаний о прошлом (см.: М. Марон «Тихая строка шесть» (“Stille Zeile Sechs”,

1991) и Т. Бруссиг «Герои вроде нас» (“Helden wie wir”, 1995)). Второй тип воспоминаний ставит под сомнение господствующие в настоящее время социополитические и культурные ценности и их актуальность, используя прошлое в качестве противовеса. В этом случае воспоминания помогают оказывать сопротивление культурному процессу унификации и противопоставляют господствующим мировоззрениям альтернативные модели. Прошлое становится сундуком с сокровищами, которые – пусть и не без исключений – следует сохранить.

В первом случае подчеркивается неверная траектория историко-политического развития и негуманность исчезнувшего государства (ГДР), для того чтобы на контрасте обосновать легитимность господствующих политических систем и культурных смыслов. При этом последние рассматриваются в оппозиции «нормальность» (реальное сегодня) – «анормальность» (вымышленное вчера). Во втором случае, напротив, подчеркиваются недостатки существующего порядка либо вскрывается детерминированность определенных социальных контекстов (взаимосвязи, причины, обстоятельства), чтобы подвергнуть сомнению новые социальные и политические структуры. Воспоминания в этом случае можно рассматривать как попытку сохранения потерянных ценностей. Эта модальность характерна для романов Бригитте Бурмайстер «Под именем Норма»

(“Unter dem Namen Norma”, 1994) и Германа Канта «Корморан» (“Kormoran”, 1994). Оба текста, темой которых становится прошлое, ссылаются друг на друга, дистанцируются друг от друга и благодаря этой игре противоречий, заимствований и подтверждений создают что-то похожее на коллективную память: они участвуют в моделировании общего прошлого и создают некое общее пространство воспоминаний.

События, о которых идет речь в этих и других романах, созданных после 1989 г., настолько болезненно переживаются протагонистами, что приводят к расщеплению «Я» и именно поэтому с трудом могут быть письменно или устно зафиксированы героями. Следствием переживания подобного травматичного опыта может стать интрузия, которая выражается в произвольно возникающих и угнетающих воспоминаниях, не поддающихся нарративному описанию. В этом случае следует учитывать важную роль молчания в его повествовательно-теоретической функции.

«Голограммой последних лет» ощущает себя один из героев романа «Прощание с врагами» (“Abschied von den Feinden”, 1995) Райнхарда Йиргля, как бы наблюдая со стороны за постепенным исчезновением своей собственной идентичности. Его старший брат – юрист также носит в себе две экзистенции, «доктора Джекила и мистера Хайда: первого – в жизни, второго – в мыслях» [Jirgl

1998: 27]. В романе Р. Йиргля мы наблюдаем полифонию голосов и знаков. Р. Йиргль часто выбирает для своих протагонистов форму монолога (или соединение нескольких монологов). Ситуация, в которой произносятся эти монологи, каждый раз очерчивается неопределенно, допускает разные толкования. Человек, который их произносит, находится в некоем кризисном состоянии, близком к горячечному бреду, и потому сильно искажает те конкретные истории, которые время от времени рассказывает.

Беспамятство – единственное прибежище для младшего брата, находящегося в состоянии тревожно-оксюморонного безвременья, пропавшего «между ночью и ночью», «между днем и днем», в «клетке освобождения», в «освещении всех темных сторон говорения». Лежа с перерезанным горлом в больнице, он проникает в сферу бессознательного своего брата-убийцы в поиске забытого. Лишь через совместность младший брат вновь сможет обрести язык, но теперь он будет говорить и чувствовать то, что вложит в него старший. Невозможность самостоятельно вспоминать, рефлексировать и говорить герой рассматривает как счастливую возможность разместить свою травму в Другом, снять маску: «в постоянном повторении смерти» он планирует новое начало: говорить и проявляться через проговаривание своего убийцы» (“Ich spreche meinen Mörder”) [Jirgl 1998: 229].

Поскольку Йиргль, как и Бенъямин, считает, что «духовная сущность сообщает себя в языке, а не посредством языка», то и в своих произведениях смысл текста он предлагает искать не в содержании (детерминированном многочисленными дискурсами), а в человеческом теле – «непосредственной арене исторического хаоса» [Jirgl 2008: 108]. Ведь в любые исторические времена насильственного обнажения и ограничения языка именно тело является единственным текстом, который говорит правду, проявляет свою строптивость и непослушание:

«Через свой язык и способ конструирования текста я ищу выразительные средства, которые помогут мне обозначить ту несправедливость, которая существует в социальных и ментальных реальностях, обострить ее, чтобы потом обесценить» [Там же: 109].

Как обесценивание, так и забвение являются механизмом психологической самозащиты. А. Ассман отмечает:

«Само событие хотя и фиксируется, но одновременно прерывается его связь с воспринимаемым сознанием. Это событие нельзя ни забыть, ни вспомнить, оно как бы инкапсулируется сознанием, то есть может долгое время пребывать в латентном состоянии, пока не даст знать о себе на языке симптомов. Воспоминание, не получившее доступ к сознанию, остается, так сказать, записанным на самом теле» [Ассман 2014: 98].

При этом беспамятство является интегративной частью памяти [Там же: 104], ведь память – динамический орган, позволяющий приспособиться к постоянно меняющейся действительности, настроиться на нечто новое.

В романе М. Марон “Animal triste” (“Animal Triste”, 1996) также выстраивается вполне логичная концепция забвения, манифестируемая главной героиней:

«За долгие годы я научилась не вспоминать о том, что хочу забыть. Я вообще удивляюсь, зачем иные люди накапливают в памяти кучу пустых событий, не стоивших того, чтобы в них участвовать, а потом по сто раз, а то и чаще извлекают их и предъявляют как доказательство якобы небесполезно прожитых лет. В моей жизни столь немного заслужило памяти, что в сокращенном мною и достойном хранения варианте эта жизнь оказывается довольно-таки короткой. Не знаю, что об этом думают теперь, но вот лет сорок-пятьдесят назад, когда я еще жила среди людей, забвение считалось грехом, с чем я не соглашалась и тогда, а ныне считаю опасной для жизни чепухой. Запретить людям забывать – то же, что запретить им обмороки при невыносимой физической боли, а ведь только обморок может предотвратить смертельный шок или пожизненную травму. Забвение – это обморок души. Вспоминать – это совсем не то, что не забывать» [Марон: 12].

Воспоминание и память в романе Моники Марон являются дополняющими друг

друга или даже независимыми друг от друга процессами. Забвение при этом основано не только на психических механизмах, но иногда является осознанной стратегией, выбираемой человеком. Воспоминание же здесь – это не столько реконструирование забытого, сколько его новое конструирование, самостоятельное заполнение образовавшихся со временем лакун:

«Бог и мир забыли о брахиозавре. Сто пятьдесят миллионов лет он принадлежал лишь земной или даже космической памяти, пока профессор Яненш в Тендагуру не нашел нескольких костей. После чего мы и стали его вспоминать, а именно: мы снова его придумали, с его крошечным мозгом, пищей, привычками, соплеменниками, со всей долгой жизнью его вида и со смертью. Теперь он снова есть. Любой ребенок его знает». [Марон: 12–13].

Для того чтобы забыть прошлую жизнь в ГДР, героиня романа М. Марон лишает себя возможности наткнуться хотя бы на какое-либо воспоминание: в ее квартире нет зеркал, она перестает встречаться со значимыми для нее в свое время людьми (даже муж и дочь вытесняются на периферию сознания), главными отношениями ее жизни становится роман с женатым немцем из западной части Германии: «Франц жил в ином, нежели я, времени: он из Ульма. Странную эпоху, откуда я родом, он знает только по газетам» [Там же: 28].

Несмотря на то, что героиня все время жизни в ГДР, как естествоиспытатель, наблюдала не только за «бытом и нравами этой эпохи», но и за собой, ведя дневник, все места хранения и объекты памяти кажутся ей только обременительными:

«...Одновременно изучая со всем вниманием собственную реакцию на лишённые логики и опасные для выживания вида условия, и время от времени даже делая записи, от чего мне теперь ни жарко, ни холодно, поскольку я не могу читать, а следовательно, не впаду в искушение и ради пустого любопытства не сведу на нет мою многолетнюю работу над забвением. Как и всякая судьба в Восточной Европе, моя судьба была подчинена абсурдному произволу и дичайшим образом переломана» [Марон: 22].

Объединение Германии также не сделало жизнь героини более комфортной. Ощущение абсурдности бытия сохраняется в тот момент, когда старые воспоминания насильственно заменяются псевдовоспоминаниями. Особенно показательным в этом смысле представляется сцена на кладбище («похороны, жутко смешные и невозможные в каком-либо другом году» [Там же: 28]), наблюдаемая героиней. На похоронах ее восточного приятеля Эмиля, сразу после Объединения превратившегося из кровельщика в бургомистра, «люди, еще прошлым летом не знавшие Эмиля, под видом первых друзей держат

речи у его гроба, а непризнанные старые друзья стоят рядом и слушают. Как будто Эмиль только и прожил этот год. Как будто мы все начали жить только с этого года» [Там же: 12].

Даже воспоминание о возлюбленном содержит целый ряд реконструирующих элементов. Как верно отметила В.В. Котелевская в своей работе о Т. Бернхарде, «мысленное воскрешение прошлого сопровождается амбивалентным мотивом забвения – припоминания» [Котелевская: 50]. И, действительно, хотя героиня и утверждает, что помнит своего возлюбленного очень хорошо, но вот его имя («забыв имя возлюбленного, я называю его Франц») и отчего он ее оставил, она позабыла [Марон: 13]. В романе много гипотез и предположений, что и как, «возможно», происходило в жизни героини. За многочисленными реконструирующими элементами героине сложно вспомнить само событие. Реальные события переплетаются с потенциально возможными в своеобразный конгломерат. Фактические события больше не поддаются ни реконструкции, ни даже обнаружению.

Между полюсами воспоминание – забвение часто размещается ритуал совместного воспоминания (иногда через подобный катарсису процесс горевания и проживания боли), прощения и совместного преодоления травматического события. Многие исследователи отмечают необходимость актуализации и конструирования прошлого

в разговоре (ср. “memory talk”, “conversational remembering”). Однако и этого не происходит в жизни героини романа “Animal Triste”:

«Да-да, – подтверждает Франц, – да. Помню точно, что произнес Франц в тот вечер: исполненное тоски “да”, замкнутое в самом себе “да”, и его глухое эхо. Тому уже десять лет или двадцать, как я это вспомнила. А в тот вечер услышала и забыла. Любопытно, что многое мы знаем и в то же время не знаем» [Там же: 39].

Подобные психологические способы проработки травмы, как замалчивание, забвение и скорбь, о которых писала А. Ассман, часто реализуются в тексте М. Марон. В конце романа героиня осознает, что и в любви, которую она рассматривала как убежище от болезненных воспоминаний, она потеряла себя, а время, проведенное с Францем, «осталось безвременным, не поддающимся учету, и внутри него я застряла. Как в воздушном пространстве шара» [Там же: 85]. Комната женщины становится местом памяти, сакральным личным музеем, а имя «Франц» «становится таким же красивым и темным словом, как гроб и мрак» [Там же].

Жонглируя фрагментами своих воспоминаний и периодами беспомысленности, почти все протагонисты рассмотренных романов ощущают себя жертвами внешних обстоятельств или исторических событий, на фоне которых и благодаря которым они оказались запер-

тыми в своем способе проживания травмы – беспамятстве.

Героиня романа Моники Марон осознала, что, пока пыталась выжечь из своей памяти все болезненные воспоминания, связанные как с крушением государства, так и с личной драмой, она сама себя погрузила в мрак и забвение:

«Лишь сегодня, после двадцати пяти или сорока пяти лет бесконечно повторяющейся жизни с Францем, я узнала о забвении и воспоминании достаточно, чтобы понять: тогда я в первую очередь забыла самое себя» [Там же: 27].

В романе «Прощание с врагами» один из второстепенных персонажей, молодой сириец, скрывается в психиатрической лечебнице Восточного Берлина от войны: «электрошоковая терапия выжгла ему по кусочкам все воспоминания» (здесь и далее перевод мой. – М. П.) [Jirgl 1998: 259]. Теперь разговорчивый, любящий рассказывать разные истории молодой человек превратился в замкнутую апатичную тень самого себя: «возможно, это стало его способом прятаться» [Там же].

Младший брат в романе Р. Йиргля воспринимает забвение и беспамятство в конце книги как нечто демоническое, пробуждающее в человеке веру и надежду, словно «не бывает никаких повторов в постоянно в себе всем повторяющемся, а потому и вечно должным, кроваво-скабрено-банальном

грошом романе по имени *История <...> Откуда это призрачное забвение*» [Там же: 120].

При этом асимметрия односторонней памяти или забвения (в парадигме преступник и жертва), на которую указывает А. Ассман в своем исследовании, может быть исправлена, но не совместным забыванием, а совместным воспоминанием [Ассман 2014: 107]. Преодоление прошлого неразрывно связано с памятью, в том числе о тех сторонах жизни и биографии, о которых неприятно вспоминать. Как отмечает С. Катани, такие литературные фигуры, которые стремятся к полному забвению автобиографических фактов, делают очевидной поливалентность коллективной истории, которая состоит не только из воспоминаний, но и из забытых фрагментов. Желание забыть, хотя и скрывает отдельные фрагменты индивидуальной биографии, одновременно указывает на тот масштаб ужаса, который запускает процесс вытеснения прошлого и показывает последствия травматичного прошлого в настоящем [Catani: 344].

Являясь наблюдателем, действующим лицом или жертвой, индивидуум всегда включен в динамический контекст исторического процесса [Ассман 2014: 23]. «Лучше уничтожить молчание, – решает герой романа Йиргля, – прежде чем оно обернется против меня, в уничтожающее молчание» [Jirgl 1998: 49].

Задачу преодоления стремления к забвению, по мнению многих исследователей, должна взять на себя литература. Литературные тексты, которые рефлексировать неполноту автобиографических воспоминаний, их лакуны и границы, не просто (де)конструируют возможности индивидуальной памяти, но и отражают не всегда осознанно протекающие процессы отбора и интерпретации воспоминаний, забывание при этом становится частью этого процесса. В одном из своих интервью В.Г. Зебальд отмечал:

«Эта история забвения еще меньше исследована, чем история воспоминаний. Процесс вспоминания – сложная вещь, но беспомыслие и как оно функционирует, и почему мы забываем, и идет ли нам это на пользу или нет, – все это очень сложные взаимосвязи. Для памяти нет настоящего антонима. Забытое само по себе могло бы им стать. И я думаю, что очень важно, чтобы забвение материализовалось и в тексте, чтобы оно имело свое материалистическое соответствие (воплощение) в этих подземельях и тюремных пространствах» [Sebald: 221].

Чтобы иметь возможность забывать, необходимо допустить осознанное «нежелание вспоминать» и тематизировать его.

В современных немецких романах, написанных после 1989 г., можно отметить асимметричный характер взаимодействия культурной и индивидуальной памяти, который проявляется на уровне речевых и коммуни-

кативных расстройств протагонистов, а также нежизнеспособности воспоминаний вне рамок локальных пространств. Автокоммуникация, опосредованная рефлексия, де(ре)конструкция воспоминаний и осознанное забвение становятся основными моделями формирования индивидуальной, социальной и национальной идентичности. В то время как отстранение и беспомыслие направляют фокус внимания на себя, память и воспоминания позволяют протагонистам направить свое внимание вовне и начать прорабатывать социокультурную травму.

Литература

Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

Котелевская, В.В. Ретроспекция и архетипический сюжет *телемахиды* в поэтике Томаса Бернхарда // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2019. № 4 (4). С. 43–67. DOI 10.18522/2415-8852-2019-4-43-68.

Марон, М. *Animal Triste*. СПб.: Азбука-классика, 2004.

Потёмина, М.С. Феномен памяти в немецком литературоведении после 1989 // Вест-

ник БФУ им. И. Канта. Сер. Филология, педагогика. Психология. 2016. № 3. С. 50–57.

Потёмина, М.С. Объединение Германии как опыт «социокультурной травмы» // Русская германистика: Ежегодник российского союза германистов Т. 16: Активные процессы в языке и литературе: социокультурные основания. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2019. С. 146–157.

Assmann, A. (2018). *Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik*. München: C.H. Beck.

Assmann, J. (1988) Kollektives Gedächtnis und kulturelle Identität. In J. Assmann, & T. Hölscher (Eds.), *Kultur und Gedächtnis*. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 9–19.

Basseler, M., & Birke, D. (2005). *Mimesis des Erinnerns. Theoretische Grundlegung und Anwendungsperspektiven*. In A. Erll, & A. Nünning (Eds.), *Gedächtniskonzepte der Literaturwissenschaft*. Berlin. New York: De Gruyter, 123–147.

Maldonado-Alemán, M., & Gansel, C. (2018). *Literarische Inszenierungen von Geschichte*. Wiesbaden: J.B. Metzler.

Baßler, M. (2001). *Einleitung: New Historicism – Literaturgeschichte als Poetik der Kultur*. In M. Baßler (Ed.), *New Historicism. Literaturgeschichte als Poetik der Kultur*. Tübingen/Basel: A. Francke Verlag, 7–28.

Browne, T. (1968). *Hydriotaphia – urneborialis, or, a discourse of the sepulchral urnes lately found in Norfolk*. In Th. Browne, *Selected Prose*. New York.

Burmeister, B. (1996). *Unter dem Namen Norma*. Stuttgart: Klett-Cotta.

Catani, S. (2016). *Geschichte im Text. Geschichtsbegriff und Historisierungsverfahren in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur*. Tübingen: Narr Francke Attempto.

Einrich, H. (1998). *Lethe. Kunst und Kritik des Vergessens*. München: C.H. Beck.

Erll, A. (2017). *Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen: Eine Einführung*. Wiesbaden: J.B. Metzler.

Erll, A., & Birke, H. (Eds.). (2005). *Gedächtniskonzepte der Literaturwissenschaft. Theoretische Grundlagen und Anwendungsperspektiven*. Berlin: De Gruyter.

Erll, A., & Nünning, A. (Eds.). (2010). *Gedächtniskonzepte der Literaturwissenschaft*. Berlin, Boston: De Gruyter. doi: <https://doi.org/10.1515/9783110908435>

Gansel, C. (2009). *Rhetorik der Erinnerung – Zur narrativen Inszenierung von Erinnerungen in der Kinder- und Jugendliteratur und der Allgemeinliteratur*. In C. Gansel, & H. Korte (Eds.), *Kinder- und Jugendliteratur und Narratologie*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 13–40.

Halbwachs, M. (1991). *Das kollektive Gedächtnis*. Frankfurt am Main: Fischer.

Jirgl, R. (1998). *Abschied von den Feinden*. München: dtv.

Jirgl, R. (2008). *Die wilde und die gezähmte Schrift. Eine Arbeitsübersicht*. In R. Jirgl, *Land und Beute. Aufsätze aus den Jahren 1996 bis 2006*. München: Carl Hansen Verlag, 92–122.

Maldonado-Alemán, M. (2012). Zum Verhältnis von Erzählen und Erinnern im autobiografischen Schreibennach 1989: Pawels Briefe von Monika Maron. In M. Maldonado-Alemán (Ed.), *Gedächtnis, Erzählen, Identität. Literarische Inszenierungen von Erinnerung*. Würzburg: Königshausen & Neumann, 159–178.

Maldonado-Alemán, M., & Gansel, C. (2018). *Literarische Inszenierungen von Geschichte*. Wiesbaden: J.B. Metzler, 123–143.

Markowitsch, H.-J. (2002). *Dem Gedächtnis auf der Spur. Vom Erinnern und Vergessen [On the trail of memory. About remembering and forgetting]*. Darmstadt: Primus.

Nietzsche, F. (1960). *Vom Nutzen und Nachteil der Historie für das Leben. 2. Unzeitgemäße Betrachtung*. In K. Schlechta (Ed.), *Werke in drei Bänden*. München: Hanser, 209–285.

Ondoa, H. (2005). *Literatur und politische Imagination. Zur Konstruktion der ostdeutschen Identität in der DDR-Erzählliteratur vor und nach der Wende*. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag.

Polkinghorne, Donald E. (1998). *Narrative Psychologie und Geschichtsbewußtsein. Beziehungen und Perspektiven*. In J. Straub (Ed.), *Erzählung, Identität und historisches Bewußtsein. Die psychologische Konstruktion von Zeit und Geschichte*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 12–45.

Renan, E. (1995). *Was ist eine Nation? Und andere politische Schriften*. Wien, Bonzen: Folio.

Rothberg, M. (2009). *Multidirectional memory: remembering the holocaust in the age of decolonization*. Stanford: Stanford UP.

Schacter, D.L. (2001). *Wir sind Erinnerung. Gedächtnis und Persönlichkeit*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch.

Sebald, W.G. (2011). *So wie ein Hund einen Löffel findet. Gespräch mit Jean-Pierre Rondas*. In Th. Hoffmann (Ed.), *„Auf ungeheuer dünnem Eis“*. Gespräche 1971 bis 2001. Frankfurt a.M.: Fischer- Taschenbuchverlag, 208–223.

Weinrich, H. (1997). *Lethe. Kunst und Kritik des Vergessens*. München: Beck.

Wodianka, S. (2005). *Zeit – Literatur – Gedächtnis*. In A. Erll, & H. Birke (Eds.), *Gedächtniskonzepte der Literaturwissenschaft. Theoretische Grundlagen und Anwendungsperspektiven*. Berlin: De Gruyter, 179–202.

References

Assmann, A. (2018). *Der lange Schatten der Vergangenheit. Erinnerungskultur und Geschichtspolitik* [The past in the present: dimensions and dynamics of cultural memory]. München: C.H. Beck.

Assmann, J. (1988). *Kollektives Gedächtnis und kulturelle Identität* [Collective memory and cultural identity]. In J. Assmann, & T. Hölscher (Eds.), *Kultur und Gedächtnis* [Culture and memory]. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 9–19.

Assmann, J. (2011). *Cultural memory and early civilization: writing, remembrance, and political imagination*. Cambridge University Press.

Basseler, M., & Birke, D. (2005). *Mimesis des Erinnerns*. [Mimesis of remembering]. In

A. Erll, & A. Nünning (Eds.), *Gedächtniskonzepte der Literaturwissenschaft* [Memory concepts in literary studies]. Berlin. New York: De Gruyter.

Baßler, M. (2001). Einleitung: New Historicism – Literaturgeschichte als Poetik der Kultur. In M. Baßler (Ed.), *New Historicism. Literaturgeschichte als Poetik der Kultur* [New historicism. Literary history as the poetics of culture]. Tübingen/Basel: A. Francke Verlag, 7–28.

Browne, T. (1968). Hydriotaphia – urne-buriall, or, a discourse of the sepulchral urnes lately found in Norfolk. In Th. Browne, *Selected Prose*. New York.

Burmeister, B. (1996). *Unter dem Namen Norma* [Under the name Norma]. Stuttgart: Klett-Cotta.

Catani, S. (2016). *Geschichte im Text. Geschichtsbegriff und Historisierungsverfahren in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur* [Story in text. Concept of history and historicization process in contemporary German-language literature]. Tübingen: Narr Francke Attempto.

Einrich, H. (1998). *Lethe. Kunst und Kritik des Vergessens* [Lethe. Art and criticism of forgetting]. München: C.H. Beck.

Erll, A. (2017). *Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen: Eine Einführung* [Collective memory and cultures of remembrance: introduction]. Wiesbaden: J.B. Metzler.

Erll, A., & Birke, H. (Eds.). (2005). *Gedächtniskonzepte der Literaturwissenschaft*.

Theoretische Grundlagen und Anwendungsperspektiven [Memory concepts in literary studies]. Berlin: De Gruyter.

Erll, A., & Nünning, A. (Eds.). (2010). *Gedächtniskonzepte der Literaturwissenschaft* [Memory concepts in literary studies]. Berlin, Boston: De Gruyter. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110908435>

Gansel, C. (2009). Rhetorik der Erinnerung - Zur narrativen Inszenierung von Erinnerungen in der Kinder- und Jugendliteratur und der Allgemeinliteratur [Rhetoric of Memory - for the narrative staging of memories in children's and youth literature and general literature]. In C. Gansel, & H. Korte (Eds.), *Kinder- und Jugendliteratur und Narratologie* [Children's and youth literature and narratology]. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 13–40.

Halbwachs, M. (1991). *Das kollektive Gedächtnis* [The collective memory]. Frankfurt am Main: Fischer.

Jirgl, R. (1998). *Abschied von den Feinden* [Farewell to enemies]. München: dtv.

Jirgl, R. (2008). Die wilde und die gezähmte Schrift. Eine Arbeitsübersicht. [The wild and the tamed writing. Work overview]. In R. Jirgl, *Land und Beute. Aufsätze aus den Jahren 1996 bis 2006* [Land and spoil. Articles from 1996 to 2006]. München: Carl Hansen Verlag, 92–122.

Kotelevskaya, V. (2019). Retrospektsiya i arhetipicheskiy syuzhet telemahidy v poetike Tomasa Bernharda [Retrospection and the archetypical plot of telemachy in the poetics of

Thomas Bernhardt]. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 4(4), 43–67. DOI 10.18522/2415-8852-2019-4-43-68

Maldonado-Alemán, M. (2012). Zum Verhältnis von Erzählen und Erinnern im autobiografischen Schreibennach 1989: Pawels Briefe von Monika Maron. In M. Maldonado-Alemán (Ed.), *Gedächtnis, Erzählen, Identität. Literarische Inszenierungen von Erinnerung* [Memory, storytelling, identity. Literary staging of memories]. Würzburg: Königshausen & Neumann, 159–178.

Maldonado-Alemán, M., & Gansel, C. (2018). *Literarische Inszenierungen von Geschichte* [Literary staging of history]. Wiesbaden: J.B. Metzler, 123–143.

Markowitsch, H.-J. (2002). *Dem Gedächtnis auf der Spur. Vom Erinnern und Vergessen* [On the trail of memory. About remembering and forgetting]. Darmstadt: Primus.

Maron, M. (2004). *Animal Triste*. Saint Petersburg: Azbuka-klassik.

Nietzsche, F. (1960). Vom Nutzen und Nachteil der Historie für das Leben. [The benefits and disadvantages of history for life]. In K. Schlechta (Ed.), *Werke in drei Bänden* [Works in three volumes]. München: Hanser, 209–285.

Ondoa, H. (2005). *Literatur und politische Imagination. Zur Konstruktion der ostdeutschen Identität in der DDR-Erzählliteratur vor und nach der Wende* [Literature and political imagination. On the construction of East German identity in

GDR narrative literature before and after the fall of the Wall]. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag.

Polkinghorne, D.E. (1998). Narrative Psychologie und Geschichtsbewußtsein. Beziehungen und Perspektiven. In J. Straub (Ed.), *Erzählung, Identität und historisches Bewußtsein. Die psychologische Konstruktion von Zeit und Geschichte* [Narrative, identity and historical awareness. The psychological construction of time and history]. Frankfurt/M.: Suhrkamp, 12–45.

Potyomina, M.S. (2016). Fenomen pamyati v nemetskom literaturovedenii posle 1989 [Memory phenomenon in German literary criticism after 1989]. *Vestnik BFU im. I. Kanta. Ser. Filologiya, pedagogika. Psihologiya* [IKBFU's Vestnik. Philology, Pedagogy, Psychology], 3, 50–57.

Potyomina, M.S. (2019). Obèdinenie Germanii kak opyt sotsiokulturnoy travmyi [German reunification as “sociocultural trauma” experience]. *Russkaya germanistika. Ezhegodnik Rossiyskogo soyuza germanistov* [Russian German studies: Yearbook of the Russian Union of germanists]. Nizhniy Novgorod: Dekom, 146–157.

Renan, E. (1995). *Was ist eine Nation? Und andere politische Schriften* [What is a nation? And other political writings]. Wien, Bonzen: Folio.

Rothberg, M. (2009). *Multidirectional memory: remembering the Holocaust in the age of decolonization*. Stanford: Stanford UP.

Schacter, D.L. (2001). *Wir sind Erinnerung. Gedächtnis und Persönlichkeit* [We are memory. Memory and personality]. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch.

Sebald, W.G. (2011). So wie ein Hund einen Löffel findet. Gespräch mit Jean-Pierre Rondas. In Th. Hoffmann (Ed), „*Auf ungeheuer dünnem Eis*“. *Gespräche 1971 bis 2001* [“On incredibly thin ice”. Talks 1971 to 2001]. Frankfurt a. M.: Fischer- Taschenbuchverlag, 208–223.

Weinrich, H. (1997). *Lethe. Kunst und Kritik des Vergessens* [Lethe. Art and critique of forgetting]. München, Beck.

Wodianka, S. (2005). Zeit – Literatur – Gedächtnis. In A. Erll, & H. Birke (Eds.), *Gedächtniskonzepte der Literaturwissenschaft. Theoretische Grundlagen und Anwendungsperspektiven* [Memory concepts in literary studies]. Berlin: De Gruyter, 179–202.

'MEMORY' AND 'OBLIVION' IN CONTEMPORARY GERMAN LITERATURE

Marina S. Potyomina, PhD, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russia), e-mail: mpotemina@kantiana.ru

Abstract. This article explores the concepts of memory and oblivion as dominant themes in the revision and reconstruction of the past in contemporary German literature. Michel Foucault's method of discursive analysis and Jan and Aleida Assman's memory theory are used to analyse narrative strategies employed by contemporary German authors. Historical, sociocultural, media, and psychological discourses are viewed as contributing to the formation of protagonists' individual memories. The trajectory along which 'functional memory' transmutes from 'comforting oblivion' to the 'loss of identity', as depicted in the novels *Abschied von den Feinden* by Reinhard Jirgl and *Animal triste* by Monika Maron, is analysed in the context of the cultural trauma experience. A consequence of the traumatic experience is the splitting of the self and intrusion, which is expressed through random tormenting remembrances eluding narrative description. To the fore comes silence, which fulfils a narrative-theoretical function. Contemporary German novels written after 1989 are marked by asymmetry between cultural and individual memory. This asymmetry is manifested at the level of the protagonists' speech and communicative disorders as well as in the inviability of memories beyond local spaces. Auto-communication, mediated reflection, de(re)construction of memories, and conscious oblivion become the principal models for the formation of individual, social, and national identity.

Key words: communicative memory, remembrance, oblivion, reunification, Reinhard Jirgl, Monika Maron, discourse, identity.

